

ГЛАВА 1

А ведь она могла и не пойти в этот поход! Могла отказаться. Взять больничный, придумать что-нибудь, как это делала раньше. В тот момент, когда она сообщила мужу про поход, все еще надеялась — вот сейчас он эгоистично вытянет губы и протянет: «Ну... а как же я?..» Лариса, конечно, сразу же согласится: действительно, как же Стасик без нее? Да он без нее никуда! Обед не разогреет, холодным съест. Прямо из кастрюли.

Лариса никогда не оставляла мужа надолго одного. А в этот раз он даже не отреагировал на ее сообщение. Поход так поход. Сказал: иди, конечно. Кто же еще пойдет? Лариса тогда поняла: все правда. Все, что ей с тайным упоением плела в магазине Нинка Зуева — все правда! У Стасика другая женщина. Дру-га-я... Совсем не такая, как Лариса. По-другому смеется, пахнет по-другому. И Стасик хочет остаться с ней, пока Лариса будет лазить по горам с учениками. Все дни, оставшиеся до похода, Лариса была начинена этими мыслями, как взрывчаткой. Мысль об

измене Стасика сверлила ей мозг, жгла желудок и сдавливала сердце.

— Лариса Николаевна, а Воскобойников пил воду из реки!

— Ларис Николаевн, у нас палатка не складывается!

Лариса носилась по поляне, выполняя свои обязанности: показывала место для хвороста, отчитывала Воскобойникова, помогала устанавливать палатки. Но вся эта походная суэта раздражала ее и даже обижала. Ну почему со всеми неприятными вопросами дети обращаются именно к ней? Почему Прытковой несут показать венок из одуванчиков или замысловатый кусок коры, похожий на крокодила? А ведь Прыткова такая же учительница, как и Лариса, только преподает не историю, а краеведение. Или лицо Светланы Тимофеевны с прописавшейся там улыбкой притягивает такие же улыбки?

Вечером накануне похода Лариса тоже пыталась улыбаться. Она смотрела в гладко выбритый затылок мужа и целилась спросить. Но спросила, конечно же, не то, что собиралась.

— Хочешь, я не пойду в этот дурацкий поход?

Стасик не повернулся, но она заметила, как спина его напряглась.

— Стареем, Лариса Николаевна?

Лариса пожала плечами:

— Прыткова помешана на краеведении, вот пусть и идет. Почему — я? И родителей сопровождающих найти не могут. Никому дети не нужны...

Стасик упорно молчал. Это было так не похоже на него!

Но Лариса зачем-то продолжала бессмысленный разговор:

— И потом... я просто хочу провести выходные с тобой.

Стасик отложил газету и включил телевизор.

— Ну и чем мы займемся в освободившийся выходной?

Его слерживаемое раздражение стало почти осязаемым.

Страх сковал Ларису.

— Мы могли бы наконец поехать в Ивановку...

— В Ивановку? Какую Ивановку?

То, что Стасик переспрашивал, задевало еще больнее.

Она почувствовала, что готова к слезам.

— Ну, в деревню, к знахарке... Я тебе рассказывала, и ты согласился. Забыл? Туда Иличкины ездили, и уже через два месяца Татьяна забеременела. Неужели ты не помнишь?

— Как-то вылетело из головы.

Стасик щелкал каналами, а Лариса поедала глазами его спину. Не может быть, чтобы он забыл. Они говорили о знахарке два дня назад. Лариса увидела Татьяну Иличкину на улице с коляской. А ведь два года назад они вместе лечились грязями в профилактории и обе — безрезультатно. Иличкины ждали ребенка девять лет, Лариса со Стасиком — уже десять. Обе пары прошли аналогичные мытарства. Десятки методов лечения, тесты, анализы.

Никакого толку. И вдруг — Татьяна Иличкина родила! Мальчика! Съездила к знахарке, та поколдовала над ней и — все!

Такое невозможно пропустить мимо ушей, если ждешь ребенка десять лет!

Лариса подошла и выключила телевизор. Круглое лицо мужа возмущенно вытянулось.

— Стасик, ты хочешь меня бросить?

Стасик вскочил и начал двигаться по комнате. Его беспорядочные движения, пятна на лице и бегающий взгляд — все это Лариса увидела так ясно!

Внутри что-то лопнуло и рассыпалось. А Стасик бегал и орал: «Уже невозможно телевизор посмотреть в своем доме! Что за дурь лезет тебе в голову! И почему я должен в свой выходной тащиться в какую-то чувашскую деревню к какой-то чокнутой тетке?! Это все твои фантазии! Еще не хватало, чтобы меня дома донимали ревностью! Паразитство!»

Стасик взорвался так легко, что Лариса догадалась: все его спокойствие, добродушие последних дней — результат невероятных усилий. Он притворялся.

Очередное открытие потрясло ее не меньше предыдущих. Устоявшаяся, казавшаяся незыблемой жизнь Ларисы на самом деле, набирая скорость, катится под откос.

А она цепляется за нее, не хочет отпустить, не может... Что она — без Стасика? Как она без него? Она не знала, как себя вести, что делать. Ей хотелось спрятаться. Она и спряталась.

В поход ушла, как в сон. А вдруг — проснется и все по-прежнему?

...А погода, нужно отдать ей должное, выдалась прекрасная. Июнь щедро дарил детям все приметы наступившего лета. В воздухе стоял одуряющий аромат цветов и свежей зелени. Место Прыткова выбрала удивительное — без каких бы то ни было признаков цивилизации, с дикой, немного даже киношной природой. Лариса начинала понимать коллегу, ежегодно таскавшую учеников в эту глухомань. Понимать-то понимала, а вот разбудить в душе необходимый первобытный кураж — не могла. И до беспричинной дикой радости было далеко. А вот Прытковой это удавалось без труда. То тут, то там раздавался ее звонкий смех. Неужели у Прытковой — никаких проблем? Да

уж, наверное, таких, как у Ларисы, — точно нет. Не могла Лариса думать о муже. И о Крюковой. Сколько раз Ларисе приходилось бывать в их нотариальной конторе, болтать с этой Крюковой... Могла ли она подумать? У Крюковой был ребенок, дочь от первого брака. А у Ларисы детей не было. В тот вечер она спросила Стасика: «Это из-за ребенка?»

— При чем здесь ребенок? — проорал Стасик. — Что ты заиклилась на этом ребенке? Он тебе нужен? У тебя в классе тридцать гавриков. Тебе мало? Живут люди без детей, и прекрасно живут! Нет, надо с ума сходить! По больницам, по бабкам, по колдуньям! Дурдом на выезде! У тебя уже галлюцинации на этой почве!

— Стасик, ты ее любишь?

Неприятнее всего Ларисе было теперь вспоминать эту сцену. Именно поэтому она и лезла в голову непрестанно. Стасик плюхнулся в кресло и схватил пульт. Но на кнопку не нажал. Нервно крутил пульт в руке и пытался как-то справиться с лицом.

— Кого?

Но невинного удивления не получилось. Лицо, конечно же, что-то силилось изобразить, но плохо. На тройку с минусом.

— Крюкову.

Стасик подергал губами.

— Кто тебе сказал?

Надежды не осталось. Она сразу же пожалела о сказанном. Теперь, когда она все знает, он сразу бросит ее. Оставит одну. Совершенно одну!

Она почувствовала себя совсем маленькой. Будто она стоит у подножия горы и видит, как начинается сход ла-

вины. Он неизбежен, неотвратим, она не в силах ни остановить стихию, ни убежать.

— Стасик, не бросай меня! Пожалуйста!

Невероятно быстро она оказалась возле кресла, в котором сидел Стасик, и вцепилась в подлокотники. Муж попытался вскочить и нечаянно толкнул ее в грудь коленями. Лариса схватила его за штаны, обняла колени. Он суетливо пытался поднять ее с пола, а она, напротив, как могла, перекрывала ему саму возможность движения. Стыдно вспоминать.

Особенно как она горячо говорила о ребенке, всхлипывая и заглядывая Стасику в глаза: «У нас обязательно будет ребенок! И он будет похож на тебя, как мы мечтали! Мы ведь десять лет вместе, Стасик! Мы ведь хорошо жили, правда? И квартиру эту мы только-только обустроили. Она нам нелегко далась. И куда же я пойду-то, если ты меня бросишь? Мне идти совсем некуда...»

И хоть потом Стасик стал утешать ее и уверять, что бросать не собирался, вечер был отравлен. Нет, не вечер — жизнь ее была отравлена. И вот с этим горьким ощущением предстояло теперь просыпаться и завтра, и послезавтра. Проводить уроки, родительские собрания, вести детей в поход... С этим ядом в крови предстояло как-то жить.

...Холмы, с четырех сторон окружавшие их импровизированный лагерь, ровно зеленели. Облака, лениво проплывавшие в сторону реки, задевали их пухлыми животами. На одном из холмов показалась пестрая россыпь бейсболок. Это Светлана Тимофеевна со своей гвардией возвращалась из «разведки».

— Лариса Николаевна! Они нам машут!

Лариса сделала ладонь козырьком и посмотрела в сторону холма. Теперь уже можно было ясно различить красно-желтую панаму Светланы Тимофеевны, ее красные шорты и оранжевую майку. Женщина взмахивала руками, подпрыгивала и в конце концов колобком стала скатываться с холма, оставив позади ватагу детей. Лариса не могла не улыбнуться. Вот кому можно позавидовать! Вот сгусток энергии, вечный двигатель и моторчик! Кого хочешь расшевелит. Не даст засохнуть. Хорошо, что из всего педколлектива в поход пошла именно Прыткова. Прыткова не из тех, кто лезет в душу. Она сосредоточена на собственной персоне и в данный момент явно чем-то взволнована. Маленькая и полная, в своих штанишках, Прыткова напоминала Карлсона.

Лариса двинулась навстречу и заметила, что Светлана Тимофеевна что-то держит в руке.

Воскобойников, увидев своих, стал бить в гонг — стучать ложкой в крышку от кастрюли.

— Не остается никаких сомнений, — начала Прыткова, когда до Ларисы осталось шагов пятнадцать, — мы остановились на месте древнего поселения! Вот полюбуйтесь!

Учительница протянула Ларисе глиняный обломок. Лариса покрутила его в руках. Кусок горшка либо тарелки. Такими могли пользоваться когда угодно.

— У моей бабушки в Елховке полно глиняной посуды! — вставил Воскобойников.

Лариса промолчала. Светлана Тимофеевна выхватила у Ларисы из рук черепок и перевернула его.

— Смотрите!

На выпуклой поверхности был выцарапан цветок. Царапины забились землей, но рисунок все равно просматривался.

— Ну и что? — не поняла Лариса.

— О Господи! — вскричала Светлана Тимофеевна. — Неужели вы ничего не слышали о племени Желтого Цветка?

Лариса пожала плечами. Ну да. Она слышала легенду о племени, жившем якобы по законам матриархата. Но воспринимать это всерьез? Между тем Светлана Тимофеевна почувствовала себя героем дня. Она носилась со своей черепушкой от палатки к палатке и всех призывала оценить трофей. Через полчаса в лагере царило всеобщее возбуждение. И та дисциплина, которую с самого начала пыталась установить Лариса, затрещала по швам. Каша, которую поручили сварить дежурным, пригорела, двое без спросу ушли купаться, а крайняя палатка ходила ходуном — семиклассники бесились.

— Ларочка Николаевна, вы чем-то расстроены?

У Светланы Тимофеевны было такое лицо, что Ларисе стало стыдно. Почему стыдно — сразу и не разберешь. Но она не нуждается в жалости и участии! И у нее полно причин, чтобы злиться.

— Светлана Тимофеевна, я, конечно, могу понять вашу профессиональную радость по поводу находки, — сдерживая раздражение, начала Лариса. — Но им нельзя такие вещи... без подготовки. Все должно быть по плану, иначе мы с ними не совладаем! Их двадцать, а нас двое!

— А разве не по плану? — заикнулась Прыткова, и Ларису снова кольнул стыд. Светлана Тимофеевна старше ее лет на пятнадцать. А она, Лариса, отчитывает ее как ребенка. Но ведь именно Ларису директор назначил ответственной за этот поход! Значит, она права.

— Сейчас главное — задать порядок, ритм, — не глядя на коллегу, вещала Лариса. — Чтобы дети поужинали, что-

бы все собрались у костра и в деталях обсудили завтрашнее мероприятие.

— Но я хотела поделиться... — оправдывалась Прыткова, пыхтя и краснея. Она прижимала черепушку к груди пухлыми ручками и глядела на Ларису глазами ребенка.

Лариса наконец не выдержала этого взгляда — разревелась. Отошла за палатку, села на траву. Прыткова покатилась за ней следом. Лариса плакала не о дисциплине и не о ритме похода. Она плакала о своем треснувшем счастье, о том, что она никак не может забеременеть, тогда как другие устали от детей.

— Ларочка, у вас что-то случилось, — догадалась Светлана Тимофеевна. — Все пройдет. Все когда-нибудь проходит. Вы такая хорошая, красивая... Вас дети любят... И поход вы организовали прекрасно...

— Да. Прекрасно! — всхлипнула Лариса. — Никто из родителей не согласился сопровождать детей! Зато если что случится — с нас три шкуры сдерут! Родителям дети нужны только до третьего класса! А в седьмом будто за ними и смотреть уже не нужно!

— Ну-ну... А как же отец Петрова? Он обещал к вечеру подъехать. Я думаю — он не подведет.

— Вы уверены? — Ларисе хотелось спорить. — Петров у меня год учится, а я его родителей ни разу не видела. И согласие этого папы на поход через записку получила.

Ларисе вдруг показалось ужасным, что с ними нет никого из родителей, что с отцом Петрова не побеседовала лично. Все теперь казалось ей зыбким и ненадежным. Вот если бы с ней в поход отправился Стасик...

Зато Светлана Тимофеевна уже успела вернуться в свое всегдашнее состояние. Она уверенно заявила, что все будет хорошо. Подскочила как мячик, поймала пролетающе-

го мимо Воскобойникова и приказала собирать племя на вечерний костер.

К тому времени, когда дети собрались у костра, Ларисе удалось более-менее привести себя в порядок. Она мысленно отчитала себя за слабость и проявленную невежливость к коллеге. Окинула собравшихся взглядом. Некоторые уже успели раскрасить лица под индейцев. Оля и Юля Земчихины украсили себя венками.

— Друзья мои, — начала Лариса. Гомон постепенно стих. Лица обратились к ней. — Сегодня мы по традиции покинули шумный город, чтобы на время почувствовать себя частью природы...

— Воскобойников — тираннозавр! — хихикнули в темноте. Тут же началась возня.

— Тем, кто пришел сюда впервые, — добавила Светлана Тимофеевна, — хочу напомнить: все чудеса техники, включая мобильные телефоны, мы по традиции оставляем дома. Кто забыл это сделать, прошу сдать все на хранение Ларисе Николаевне.

— А плеер?

— И плеер тоже. Не забывайте: мы с вами — первобытное племя.

По кругу пробежал ропот. Кто-то громко шлепнул комара.

— А фонарик — можно?

— Думаю, фонарик нам сегодня не понадобится — смотри, какая луна.

Над левым холмом, не слишком высоко, висела оранжевая луна, прикрытая сиреневой вуалью. Костер рвался в небо, сыпал искрами. Лариса с трудом отогнала от себя мысли о муже.

— Утром мы начнем игру. Нам нужно распределить роли.

— Чур — я шаман! — заорал Воскобойников. — Мы с Генкой — охотники!

— Мы будем костер разводить!

— Я буду готовить ритуальный танец, если только они...

— А пусть у нас будет матриархат! — заявила Оля Земчихина. — Расскажите нам поподробнее! Говорят, тут жило настоящее женское племя! Это правда?

— У них мужчин совсем не было?

Вокруг костра стало шумно. Сумерки сгустились. Луна выглядела гигантской декорацией.

— Мужчины в таких племенах, конечно же, были, — уточнила Лариса. — Просто во главе рода стояла женщина. Существует несколько легенд... Но об этом лучше расскажет Светлана Тимофеевна.

Прыткова просияла. Поговорить она любит и все легенды родного края знает наизусть. И всякий раз умудряется преподнести их в новой интерпретации.

Лариса перевела дух. Как хорошо, что на полчаса можно расслабиться. Светлана Тимофеевна сейчас завладеет вниманием детей всерьез и надолго. Она это умеет.

Сначала Лариса даже не пыталась сосредоточиться на рассказе. Но и домой она свои мысли старалась не пускать. Она упорно пыталась воплотить в жизнь всем известный совет: «Наслаждайся каждой минутой своей жизни, живи сегодняшним днем». Да никогда у нее это не получалось! Сначала у них со Стасиком существовала присказка «когда у нас будет собственное жилье», и они жили завтрашним днем, отказывая себе во всем, строя кооператив. Теперь эта присказка сменила окрас, но суть осталась та же. «Когда у нас будет ребенок». А это «когда» все не на-

ступает, и живет она, Лариса, по инерции, разучившись наслаждаться минутой и радоваться простым вещам. Не потому ли она завидует Прытковой?

Лариса наблюдала сквозь грозди искр, как блестят глаза Светланы Тимофеевны, как от нее исходит любопытство и наслаждение жизнью. Почему другие так не умеют? Почему Прыткова так выделяется из массы учителей их школы?

Лариса стала анализировать. Прыткова ни под кого не подстраивается. Чтобы к ней не могли придрататься, она безукоризненно знает свой предмет и все время изучает что-то новое. Она позволяет себе одеваться так, как ей хочется, — немного по-американски. Причем в одежде предпочитает яркие цвета. А считается, что учителям так одеваться не следует. И если бы Лариса, к примеру, вырядилась в лимонный пиджак или в клетчатые брюки — у школы случился бы шок.

Прыткова каким-то образом отвоевала себе право ходить на работу в кепках, париках и оранжевых юбках.

При этом дисциплина на ее уроках сочетается с демократичностью, что не удастся больше никому. Или одно, или другое. Интересно, а с мужем у нее проблемы бывают?

— Руководила этим племенем, конечно, женщина. Верховная жрица, — вдохновенно вещала Светлана Тимофеевна. Глаза ее сверкали в свете костра. А руки она прикладывала к груди, словно рассказывала что-то личное. — И все ей подчинялись беспрекословно. Каждая женщина должна была в совершенстве владеть искусством сбора трав и врачевания. Этим они отличались от других племен. Поэтому на амулетах племени принято было изображать различные цветы.

— И как мужчины на такой расклад смотрели? Неужели слушались женщин? — спросил кто-то у мальчишек.

— Еще как слушались. Если мужчина не подчинился жене, его могли наказать.

— Как? — в унисон ахнули несколько голосов.

— Били палками.

— О-о-о...

Дети были потрясены. Да и сама Лариса незаметно для себя отвлеклась от личных мыслей и заслушалась сказками Прытковой. Хотя в подобные легенды верила слабо. Ну там где-то в прериях, амазонки — это понятно. Но тут у нас, в средней полосе?

Между тем по кругу пошел свеженайденный обломок с изображением цветка. Черепок подносили к свету, разглядывали, трогали.

— Племя настолько стремилось изолировать себя от остального мира, что была придумана система подземных ходов, пещер, лабиринтов. Спрятанное за холмами, окруженное густым лесом поселение становилось недоступным для врагов и любого недоброго глаза.

— Лес не такой уж и густой.

— Это сейчас не такой густой. А раньше здесь были непролазные чащобы! — уверяла учительница.

— А мы на холме ракушки нашли. Там раньше море было?

Дети зашумели, каждый хотел высказаться. Легенда о необычном племени никого не оставила равнодушным.

— А они с кем-нибудь воевали?

— Не сомневайся, они умели постоять за себя, — быстро ответила Прыткова. — Если верить легенде, женщины в племени отличались статностью и красотой.

— А как же любовь? — раздался из темноты девчачий голосок. — Им не разрешалось влюбляться?

— И любовь случалась, — отозвалась Светлана Тимофеевна. — Однажды дочь верховной жрицы, молодая красавица, собирала травы для лечебного снадобья. В лесу она увидела незнакомого юношу, который охотился. Он был ловок и красив. Как гласит легенда, они полюбили друг друга с первого взгляда. И стали встречаться тайно. Влюбленные решили убежать, поскольку знали, что верховная жрица не отпустит дочь в другое племя. Был назначен день побега. Но парочку выследили. Юношу поймали и бросили в пещеру.

— На съедение змеям, — прокомментировал Воскобойников.

Со всех сторон на него зашикали.

— А он мог убежать? Что с ним сделали?

— Юношу ожидала жестокая смерть. Он не знал тайных ходов и не мог выбраться из пещеры. Она ведь вся состояла из путаных лабиринтов. И если пленник пускался в бегство — его ждала неминуемая гибель в одном из тупиков лабиринта. По преданию, в коридорах лабиринта...

— ...навалом мужских скелетов! — выкнул Воскобойников и хохотнул. Последовал звук затрешины, не обошлось без короткой потасовки. Впрочем, на дерущихся тут же зашикали — всем хотелось дослушать историю.

— Это всего лишь легенда, — поспешила напомнить Лариса. Ну не нравится ей, когда Прыткова вот так увлекается. Она, похоже, сама верит в то, что выдумывает. Ну да, существует легенда. Но легенда и есть легенда. Наполовину выдумка. Версия. А некоторые впечатлительные дети воспримут как быль. Ведь они тут одни, ночью. А

если напугаются? Да ей и самой жутковато от этих разговоров о скелетах.

— Я предлагаю подробнее обсудить детали завтрашнего дня, — предложила Лариса. — Давайте выберем вождя племени?

— Нет!

— Подождите, Лариса Николаевна!

— Светлана Тимофеевна, а что было дальше?

— А что стало с девушкой?

Дети зашумели и воспротивились так дружно, что Ларисе ничего не оставалось, кроме как умолкнуть и приготовиться слушать басни коллеги.

— Поскольку чужак посмел покуситься на дочь верховной жрицы, пощады он мог не ждать, — вздохнула Светлана Тимофеевна. — Но...

«Но» повисло в воздухе. Стало отчетливо слышно, как трещат сучья в костре и звенят комары.

— К сожалению, дети, никто не знает, чем закончилась эта история. У легенды множество версий.

По кругу прокатился вздох разочарования. А потом враз все заговорили, загалдели. Шум нарастал. Этого следовало ожидать! В том, что злосчастная легенда теперь не даст детям уснуть, не стоило и сомневаться. Любовь, скелеты, лабиринты — любимые темы подростков. Их хлебом не корми, дай поиграть в ужастики, привидения и вампиров.

В Ларисе пеной поднималось подавленное было раздражение. Прыткова хочет легкой популярности, а вот попробуй теперь утихомирь эту массу, расфасуй по палаткам и наутро организуй интересное мероприятие! Это, конечно, краеведиха предоставит ей, Ларисе.

Спасибо. Лариса будет бегать, собирать, пересчитывать, а Светлана Тимофеевна — наслаждаться жизнью. Выберет